

© Шабанов М. О.

своём, как показывает анализ О. Базалука, выпускники, выходя в самостоятельную жизнь с пониманием тактических задач: найти хорошооплачиваемую работу, оставить после себя наследников, связать жизнь со второй половиной и т. п. Но вопрос, а что дальше, а зачем нужно совершать подобные действия, и, самое главное, в какой деятельности студент-выпускник планирует реализовать себя в годы оставшейся жизни – эти вопросы остаются без внимания. В большинстве своём, выпускники ВУЗов Украины мыслят стереотипно и собираются преследовать цели, актуализированные в массе. Очень мало среди выпускников встречаются «инакомыслящие», которые во главу своей деятельности выносят стратегическую цель – ориентир, достижению которого они планируют посвятить оставшуюся жизнь. А ведь, по большому счету, строить тактические планы нужно исходя из знания ориентира – стратегической цели.

В целом, как подчеркивает А. Новиков, в основание классификации принципа деятельной направленности юридического образования заложены: умения осуществления интегративной профессиональной деятельности как высшее звено опыта личности: знания, определяющие деятельность направленность личности (а; б); умения на уровне тактики и стратегии профессиональной деятельности (в) [5].

Таким образом, подводя итог вышеизложенного, мы можем заключить, что идея гуманизации юридического образования в Украине при качественной систематизации и более глубоком понимании осуществима в практике. Воплощение идеи гуманизации в педагогическом воздействии на студента-юриста, приводит к совершенству мировоззренческой позиции студента, укреплению духовной составляющей его внутреннего мира и повышению профессиональных качеств.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Базалук О. А. Философия образования в свете новой космологической концепции. Учебник / Олег Базалук. — К. : Кондор, 2010. — 458 с.
2. Базалук О. А. Сумасшедшая: первооснова жизни и смерти / Олег Базалук. — К. : Кондор, 2011. — 346 с.
3. Гусинский Э. Н. Введение в философию образования. / Э. Гусинский, Ю. Турчанинова. — М. : Издательская корпорация «Логос», 2000. — 224 с.
4. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие для студентов вузов. / Владислав Леонидович Иноземцев — М. : Логос, 2000. — 304 с.
5. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе / Парадоксы наследия, векторы развития / Александр Михайлович Новиков. — М. : Эгвес, 2000. — 272 с.

Шабанов М. О. – аспірант кафедри політології Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

УДК 323.2:572

АНТРОПОГЕННІ ПРОСТОРИ РОЗВИТКУ ПОЛІТИЧНИХ ПРОЦЕСІВ

Дана стаття присвячена проблематиці формування особливого антропогенного простору. Представлен він як своєрідний спосіб співвідношення в єдине ціле всієї сукупності політичних процесів і для демонстрації їх розвитку в необхідному ключі. Вплив людського фактору пов'язано з особливостями в поширенні політичної влади та кількістю її суб'єктів. В роботі частково аналізуються моноцентричний та поліцентричний простори. В цілому відмічено явище переходу до більшого ступеню структуризації та «посилення» просторових формувань сучасної людини політичної.

Ключові слова: людський фактор, антропогенний простір, людина політична, політичний процес політичний розвиток, моноцентричний простір, поліцентричний простір.

Данная статья посвящена проблематике формирования особенного антропогенного пространства. Представлено оно как своеобразный способ соотнесения в единое целое всей совокупности политических процессов и предназначено для демонстрации их развития в необходимом ключе. Влияние человеческого фактора связано с особенностями в распространении политической власти и количеством ее субъектов. В работе частично анализируются моноцентричное и полицентричное пространства. В целом отмечено явление перехода к большей степени структуризации и «усилению» пространственных образований современного человека политического.

Ключевые слова: человеческий фактор, антропогенное пространство, человек политический, политический процесс, политическое развитие, моноцентричное пространство, полицентричное пространство.

The article focuses on the problems of the formation of special man-made space. It presented as a specific way of relating the totality of political processes into a coherent whole and intended to demonstrate their development in the required manner. The effect of human factor is associated with features of the political power distribution and the number of its subjects. We partially analyzed monocentric and polycentric spaces. In general, the phenomenon of transition to a greater extent of structuring and «strengthening» of the spatial entities of the contemporary homo politicus is noted.

Key words: human factor, man-made space, homo politicus, political process, political development, monocentric space, polycentric space.

Актуальность научной публикации. Пространство имеет исключительное значение для антропологического видения развития политических процессов. Оно формирует своеобразную область исследования – аутентичную среду существования Homo politicus. Политические процессы контекстно не рассматриваются в современной политической науке с точки зрения политической антропологии. Именно данная позиция выдвигает пространственную составляющую на ведущее место, то есть пространство есть необходимый элемент для построения цельной антропологической парадигмы, однако вследствие разобщенности политико-антропологического знания о нем, невозможно завершить процесс построения. Политические антропологи сегодня исключительно в рамках политико-философского дискурса призывают, прежде всего, к гуманизации политических процессов и, в совокупности, пространства их распространения. Однако проблематично проанализировать какие сходные объединяющие моменты существуют между ними, поскольку, в свою очередь, нет единого общего понимания влияния человеческого фактора. На наш взгляд, прийти к подобному пониманию возможно, используя все аспекты влияния человеческого фактора на пространство, в том числе и культурно-цивилизационные.

Степень разработанности проблемы. Проблематике взаимосвязи политики и пространства в достаточной мере уделяется внимание как зарубежными, так и отечественными политическими исследователями. В данном направлении выделяются научные работы Баталова Э. Я., Качанова Ю. Л., Панарина А. С., Гаджиева К. С., Драгунского Д. В., Замятина Д. Н. и т. д. Исключительный интерес для исследователя, в частности, представляют работы Качанова Ю. Л., делающего акцент на политическом поле, рассматривая его как модус социальной действительности, а также как своеобразную форму отношений между индивидуальными и коллективными агентами в политике [1]. Анализ отдельных аспектов феномена человека политического в этой связи осуществляется Панариным А. С. [2], пространственно-временных аспектов Щербининым А. И. [3]. Близким по постановке проблематики является рассмотрение так называемого политического (культурного) ландшафта. В частности Туровским Р. Ф. в работе «Политический ландшафт как категория политического анализа» подчеркивается факт существования преобразованного человеком, то есть антропогенного ландшафта. Соответствующая экстраполяция осуществляется автором, собственно, на сферу развития политических процессов [4].

Объектом исследования является антропогенное пространство (пространство, находящееся под непосредственным влиянием человека) как плоскость развития политических процессов.

Предметом исследования является влияние антропогенного пространства на развитие политических процессов в целом. Это способствует правильному построению цельного парадигмального представления о роли и деятельности человека политического.

Цели исследования: 1. выяснение роли человеческого фактора как динамичной составляющей; 2. определение роли пространства в развитии политических процессов; 3. структурирование, анализ и градация антропогенных пространств развития политических процессов; 4. установление прямой взаимосвязи между пространством человека политического и политико-процессуальной плоскостью

развития.

Перед нами в рамках данного исследования стоит следующая задача – рассмотрение и анализ пространства как одного из условий и одновременно следствий развития политических процессов во всех, возможных в рамках политико-антропологического дискурса, проявлениях.

Научная новизна публикации. Оформление необходимых структурных построений антропогенного политического пространства в концепте политического развития. В данном случае родовая природа человека политического является инвариантом и фактически прямо влияет на политический процесс любого характера.

Уже традиционно пространство рассматривается двояко, как непосредственно территория, где разворачиваются те или иные политические события и как средоточие различных политических взаимосвязей между политическими субъектами. Баталов Э. Я. определяет политическое пространство как «политоид» и подчеркивает следующее: «Политоид – органическая часть социума. Но вместе с тем это и относительно автономная система, имеющая свою специфику. Поэтому положение индивида собственно в политоиде и его положение в обществе могут не совпадать» [5, с. 29]. «Современное общество – это целая система взаимосвязанных политоидов. Мир политических отношений складывающихся в общенациональном масштабе лишь частично совпадает с миром политических отношений формирующихся в регионах, а тот в свою очередь отличается от районных политоидов» [5, с. 29]. Кроме того, необходимо отметить, что «с увеличением дистанции между актором и политическим объектом крупные планы сменяются средними и мелкими, конкретные детали выпадают из поля зрения, падает непосредственный интерес к ним и т. п.» [5]. В следствие проводится и спонтанная градация субъектов политического процесса. Соответственно, можно выделить следующих основных участников: обыватель, политический руководитель (властвующий политик, правитель), политик-оппозиционер, руководитель – отраслевик, массовый политический активист, гражданский активист, государственный служащий [5]. Все они занимают различные позиции в политоиде, обладают различным видением окружающего условного пространства и дифференцированно влияют на развитие политических процессов. На наш взгляд, ошибкой многих политических исследователей и политиков-практиков является попытка представить всех участников как наделенных единым сходным политическим потенциалом и необходимыми ресурсами либо представить все в противоположном ракурсе. В политико-антропологическом дискурсе не просто существует деление на героев и аутсайдеров. Ситуация, которая складывается, не определена только двумя-тремя полюсами-крайностями. Человеческий фактор – специфическое проявление родовой природы, которая с одной стороны сводит сложные политические отношения к потребности либо властвовать, либо подчиняться, где реализация первой потребности в политике говорит о принадлежности к *Homo politicus*. С другой, чаще всего возможно констатировать априорно неформальный характер подобных интенций. В большинстве случаев влияние человеческого фактора рассматривают как неконтролируемое и откровенно наносящее вред тому или иному системному (институциональному) образованию в политике. Средоточием влияния человеческого фактора в основном признаются различные теневые политические процессы, в основном проходящие вне контроля официальных властей. Подспудно это способствует формированию, по крайней мере, целого комплекса не поддающихся решению проблем. Разрешение их необходимо и требует признания следующего: влияние человеческого фактора отождествляется с влиянием, которое оказывает человек политический на пространство вокруг себя, которое по определению, на наш взгляд, необходимо рассматривать, как многомерное и объемное, поскольку оно не ограничено проявлением исключительно психофизиологических либо социобиологических характеристик. Щеглов И. А. в работе «Политическая социализация как область бытия человека политического» акцентирует внимание на том, что человека политического возможно рассматривать как базовый, исторически сложившийся тип личности. Важно отметить, что он идеологизирован в своём развитии [6]. А собственно, «идеологическое пространство включено в такие понятия как идеология и идеологизация» [6, с. 119]. Определяющим является факт признания способности человека политического организовывать, преобразовывать и, конечно, полностью изменять пространство вокруг себя. Так, Кравченко И. И., в частности, подчеркивает факт существования «функционального пространства», где человек соответствующим образом проявляет себя как субъект социальных и политических процессов [7]. Подобное пространство признается антропогенным, то есть испытывающим непосредственное (прямое) влияние динамичного человеческого фактора. Согласно Тихоновой С. В. основополагающими принципами антропогенного пространства – есть принципы телесности и территориальности: они закономерно связывают природное и социальное [8]. Пространство человека политического возможно, по нашему мнению,

дифференцировать по его расположению и по количеству вовлеченных в активные действия субъектов, то есть выделяем: индивидуальное и коллективное пространство. Индивидуальное пространство человека политического является исходным при вовлечении его в политикум. Коллективное пространство формируется как сумма индивидуальных пространств, дополненная собственными закономерностями в организации и действии. В свою очередь, исходя из значимости процессуальной реализации власти, коллективное пространство человека политического можно разделить на моноцентричное и полицентричное. Моноцентричное пространство *Homo politicus* определяется доминированием одного сверхсубъекта (человека политического), обладающего соответствующим набором характеристик, качеств, мотиваций, целей и т. д. Закономерно им осуществляется влияние на определенное количество подчиненных субъектов и политико-системные образования различного порядка. В качестве подчиненных субъектов мы рассматриваем основную массу индивидов, вовлеченных в орбиту политической активности и распространения власти (влияния), а также субъектов, находящихся на более низкой ступени развития и объективно, либо в силу определенного стечения обстоятельств, занимающих подчиненное положение. Хотя, помимо всего прочего, сам факт нахождения на той или иной позиции предполагает вовлеченность в общую плоскость развития. Однако примечательно, что система соподчинения, которая выстраивается, имеет менее либо более явные характеристики переменчивости, то есть присутствует динамика: на освобождающееся место закономерно ставится субъект, ранее занимавший равное либо более низкое положение. В целом моноцентризм пространства характеризует его как практически лишенное явной конфликтности. Схематично моноцентричность пространства возможно изобразить в виде своеобразной пирамиды влияния и активности. В зависимости от целого ряда причин она может обладать практически неограниченным количеством уровней. С повышением уровня в пирамиде проявление активности и влияния, а так же их соотношение – изменяется. Степень влияния увеличивается, а степень непосредственно активности может равномерно уменьшаться и делегироваться подчиненным субъектам, которые в силу своего положения более подвижны. Вершину пирамиды занимает субъект с крайне высокой степенью влияния, однако часто практически полностью изменивший степень своей активности. Не смотря на отдельные раннеизложенные характеристики, данная пирамида не является абсолютно статичным образованием. Динамика ее связана с приобретением различных степеней политической власти конкретным актором. Моноцентризм пространства человека политического характерен для тоталитарных, авторитарных режимов и различных переходных образований. Например, режим так называемой управляемой демократии в России. Непосредственно от межсубъектной динамики в пределах моноцентричного пространства зависит развитие политических процессов. То есть, пространство носит крайне субъективированный характер в том смысле, что существует прямая связь не только с конкретной личностью, но и определенный порядок восприятия и организации. Он дает право определенной личности в результате совершения соответствующих действий занять определенное место в иерархии. В соотношении с остальной массой индивидов, вовлеченных в пространство *Homo politicus* складывается ситуация взаимозависимости. Периодично происходит вбрасывание из общего социального пространства определенного количества «новых» *Homo politicus*. Само социальное пространство в идеале организуется с учетом интересов пирамиды. Важно подчеркнуть, что данное пирамидальное пространство, кроме того, наделено и внутренней латентной структурой, которая представляет собой, во-первых, сплетение неформальных взаимосвязей между действующими субъектами внешней структуры, а во-вторых, так же многоуровневую иерархию субъектов теневых политических процессов. Существование их оправдывает невозможность выполнения многих политических задач ресурсами внешней структуры. Здесь сосредотачиваются представители неформального и маргинального политикума, которые могут быть выходцами из различных страт социума. Доминирующим основанием их деятельности является получение прямой выгоды. Во-многом, это результат удачного расположения в структуре и соответственно на пересечении взаимосвязей между субъектами, занимающими ответственные позиции во внешней структуре. Полицентричное пространство *Homo politicus* определяется одновременным доминированием в рамках заданного непосредственным влиянием человеческого фактора политоида – двух, но чаще большого количества активных и влиятельных политических субъектов. Полицентричность пространства характеризует его, кроме всего прочего, как наделенное высокой степенью конкурентности и конфликтности. Схематично полицентричность пространства возможно изобразить в виде эллипса разделенного на относительно равные между собой сегменты в идеальном теоретическом варианте. Эллипс наделен и центральной позицией – ядром, которое занимает человек политический, исполняющий на определенный срок роль лидера. От длительности срока лидерства в пространстве

зависит поддержание структурной целостности, однако патологически это может приводить к деформации во внутренней организации и протекании политических процессов. Его личное пространство ограничено занимаемой позицией, однако на некоторый хронологический период лидер распространяет свое влияние на все коллективное пространство. Не смотря на данный факт, он не становится обладателем всего пространства, а только лишь рассматривается исключительно как первый среди равных. В практическом измерении соответственно размер подобных сегментов может быть различен, учитывая особенности рассматриваемого нами пространства и характеристик развития различных, имеющих место политических процессов. Сегмент пространства – не является личным пространством субъекта, он постоянно находится в состоянии изменения в отличие от уровня пирамиды в моноцентричном пространстве, проявляющего скорее собственную статичность, чем динамику. Положение субъекта может быть зависимым, но не является подчиненным. И объективно его личное пространство не подчинено интересам одного сверхсубъекта. В отличие от первой данная структура более эгалитарна и естественно динамична. Динамика политических процессов происходит в форме круговорота в нескольких направлениях в зависимости от природы их развития, в то же время, испытывая на себе обязательное влияние со стороны других пространственных образований то есть высока степень интеграции с окружающими структурами и степень информационной проникаемости. Теневая структура развита, однако многие элементы ее деятельности могут поддаваться огласке, а структурные элементы становятся на определенный хронологический период явными. Представители данного образования природно менее защищены от разновекторного деструктивного влияния друг друга. В пределах вышеперечисленных пространств развитие политических процессов вследствие действия человеческого фактора имеет два основных пути: экстенсивный и интенсивный. В первом случае речь идет о паталогическом розширении пространства человека политического за счет социального пространства, то есть политизации, во втором, – речь идет об улучшении собственной природы Homo politicus, усилении тенденций поиска альтернативных политизации путей политического развития. Выделение спектра рассмотрения развития политических процессов в пространстве в пределах моно – и полицентричности позволяет подойти к построению единого парадигмального восприятия роли пространства в развитии политических процессов под влиянием человеческого фактора имеющего различные векторы. Необходимо отметить, что два предложенных варианта пространства не являются абсолютно замкнутыми и не испытывающими влияние извне. Важной особенностью на современном этапе развития политических процессов в целом является своеобразный выход пространства человека политического из того, что обычно определяется как политическая система. Кроме того, в современных условиях естественным является существование смешанных вариантов, где чаще всего мы имеем дело с вкраплением одного пространства в плоскость другого. По мнению Горбунова Е. А., «основная синергетическая закономерность (циклическое чередование дивергентных и конвергентных тенденций через бифуркацию) свойственна и социальным системам» [9, с. 176]. Социальная система не может быть идеально равновесной, т. е. полностью тоталитарной и не бывает абсолютно неравновесной, т. е. полностью демократической [9]. Антропогенное пространство, в свою очередь, объединяя homo politicus, подчиняется подобным закономерностям. В подобной ситуации мы имеем дело с предельно не стабильным социально-политическим образованием, которое, не смотря на попытки реформистского вмешательства, будет тяготеть к продуцированию революционных процессов. В качестве примера, ситуацию, которая складывается в Украине сегодня можна объяснить патологическим сращиванием моноцентричного и полицентричного пространства у представителей доминирующего политико-антропологического типа, во-многом, вследствие территориального положения буфера между Западом с его преобладанием полицентричности и Россией с ее моноцентричностью антропогенных пространств. Не менее важным вопросом является вопрос существования в пространстве и закономерно его приобретение. Так называемое приобретение пространства или, точнее, вхождение в него, связано непосредственно с включением в политический процесс как таковой. Данное включение происходит в результате либо естественного, либо искусственного отбора. Естественный отбор чаще всего свойственен для полицентричного пространства как изначально в целом более демократичного для политического развития. Искусственный отбор приобретает в моноцентричном пространстве, где система подбирает необходимых и выгодных Homo politicus для практически всех уровней. Центральная позиция в моноцентричном пространстве как доминирующая, приобретает в результате естественного отбора. Описанные нами идеальные случаи структуризации пространства, однако, не отменяют смежные варианты в различной консистенции элементов. Человек политический естественно соизмеряет себя с пространством и с той иерархией позиций и отношений, которая имеет место. Кроме того, не

исключается и возможность коэволюции антропогенных пространств, что выражается само по себе в сходных аспектах прохождения тех или иных политических процессов и в степени политической зрелости и сознательности участвующих индивидов. Принципиальным остается тот факт что, занимая следующую позицию, продвигаясь в пространстве, он проходит следующую стадию развития. Основным в данном продвижении является свобода как родовой признак. Она необходима для осуществления тех или иных действий, которые могут быть как однонаправленными, так и разнонаправленными. Необходимо отметить, что, на наш взгляд, свобода в рассматриваемом контексте не отождествлена с демократией, то есть закономерно не всегда привязана к демократическим изменениям. Однако свобода предполагает способность своевременно принимать, необходимые для концепта политического развития, решения. С политико-антропологической точки зрения данным признаком наделены далеко не все действующие лица в политическом пространстве в целом. Возможно, констатировать как соответствие развития человека политическому развитию конкретного политического процесса, так и несоизмеримость их по данному критерию. Мы считаем, что в этом соотношении продуцируется ситуация реформирования либо революционности, а соответственно имеют место революционные или эволюционные политические процессы. Рассмотрение данных процессов является наиболее действенным для выяснения сущностных особенностей влияния человеческого фактора вследствие высокой степени показательности и соизмеримости с моно - и полицентричным пространством человека политического. Исключительное значение в данном случае играет роль такой политико-антропологический феномен как насилие, в том числе и оборонительная агрессивность против чужаков, которые естественно несут с собой угрозу, утверждаясь в политическом пространстве оппонента. Насилие и агрессивность являются неотъемлемыми атрибутами как индивидуального, так и коллективного пространства человека политического. В зависимости от вышеизложенных особенностей пространств формируются особенности используемых насильственных акций. Собственно вопрос среды распространения власти имеет решающее значение для представителя любой политической системы. Это вопрос выживания. Будучи выброшенным, за пределы привычной территории, субъект лишается, прежде всего, необходимых связей и, соответственно, поддержки. Он может одновременно потерять свое положение в социуме полностью или может быть существенно ограничен в ресурсах ранее находящихся в привычных для него условиях. Поэтому любые интенции на проникновение в чужую политическую среду природно наталкиваются на противодействие на различных уровнях конфликтности. Необходимо отметить, что «самые общие врожденные схемы поведения и восприятия мира, обуславливающие его видимые характеристики, трансформируются и изменяются под влиянием среды»[10, с. 118]. Как результат складываются уникальные и неповторимые личные качества. «Перемены в производственных и политических структурах тех или иных общественных порядков вызывают преобразования в способах проявления человеческой природы, т. е. различные социально-исторические модификации, вариации, персонификации, а это приводит к дальнейшим изменениям в социальных структурах – и так до бесконечности»[10, с. 119]. Среда в предложенном контексте обладает характеристиками как статичной, так и динамичной системы. Как ареал существования человека политического она может розширяться, являясь, в то же время своеобразным форпостом для агрессии на территорию возможного противника. Примечательна роль государства в этом сложном соотношении. Оно представляет собой определенную почву для развития. Исходя из подобного понимания взаимодействие человек – государство, на наш взгляд, является на порядок существеннее, чем схема взаимодействия с включением доминирования политической системы, поскольку последняя, на наш взгляд, является болем теоретическим построением. То есть исключительной особенностью влияния так называемого человеческого фактора является нигилизация роли отдельных институциональных образований и переход к большей степени структуризации и «усилению» пространственных образований человека, вовлеченного в контекст политического развития на материальной почве государства, которое четко соотносится с конкретной территорией.

Выводы.

1. Исследование развития политических процессов в рамках антропологического дискурса предполагает акцентирование внимания на так называемом человеческом факторе в политике в совокупности представляющем собой концентрацию влияния и характерных особенностях функционирования человека в системе определенных отношений. Чаще всего подобное функционирование делает упорядоченные политические отношения более хаотичными, а их результат – непредсказуемым для анализа и прогнозирования традиционными методами. В рамках политико-антропологического дискурса влияние человеческого фактора выходит за рамки случайных проявления

и предстает организующим элементом, для развития которого существует соответствующее синтетическое пространство.

2. Филогенез человека политического осуществляется исключительно в пространственно – временном континууме. При чем пространство имеет определяющее значение в виду взаимосвязи с конкретными культурно-цивилизационными образованиями. В связи с этим очевидным является способность представителей того или иного сообщества в пространстве к продуцированию политической активности. И предложенная активность является различной ввиду особенностей в реализации политической власти каждым отдельным индивидом. Данный факт порождает различие в организации окружающего пространства;

3. Процессуальная реализация политической власти дает нам возможность в зависимости от организации количества вовлеченных субъектов и особенности их распределения дифференцировать пространство человека политического на индивидуальное и коллективное, а в свою очередь коллективное на моно – и полицентричное в зависимости от доминирования одного или двух и более субъектов. Моноцентричное пространство схематично можно представить как динамичное образование в форме пирамиды, разделенной на четкую иерархию уровней, а полицентричное как эллипс, разделенный на сегменты. Общей особенностью пространства человека политического является наличие центральной позиции лидера, в которой максимально сконцентрирован собственно потенциал политического развития. В зависимости от естественной организации антропогенного пространства. От конкретного человека политического, занимающего центральную позицию, зависит общий контекст влияния человеческого фактора внутри собственно пространства, а также распространение его во вне, то есть на развитие того или иного политического процесса.

4. Пространство представляет собой динамично переменчивую плоскость различных столкновений, обусловленных вопиющими различиями в подходах к политическому развитию как таковому. Исходя из данного факта, необходимо определить факт существования политико-процессуальной плоскости развития в антропологическом измерении, а так же непосредственное влияние индивидуального и коллективного пространства человека политического на нее. Моноцентричное и полицентричное антропогенные пространства являются своеобразными исходными точками для выстраивания политико-процессуальной плоскости.

Данное научное исследование имеет перспективы как в теоретическом, так и в практическом направлениях, прежде всего, позволяя установить новые аспекты развития политических процессов в структурированных антропогенных пространствах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Качанов Ю. Л. Производство политического поля в современной России / Ю. Л. Качанов // «Социологические исследования». — 1997. — № 11. — С. 3-12
2. Панарин А. С. Политология: Учебник / А. С. Панарин. — М., 1997. — с. 20.
3. Щербинин А. И. Политический мир в пространстве и во времени / А. И. Щербинин // Политические исследования. — 1994. — № 6. — С. — 149.
4. Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа / Р. Ф. Туровский // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. — 1995. — №3. — С.33-44.
5. Баталов Э. Я. Топология политических отношений / Э. Я. Баталов / Политическое сличком «человеческое». — М. :Эдиториал УРСС , 2000. — 136 с.
6. Щеглов И. А. Политическая социализация как область бытия человека политического/ И. А. Щеглов // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 2008. — № 4. — С. 116-121.
7. Кравченко И. И. Бытие политики: Монография / И. И. Кравченко. — М. : ИФ РАН , 2001. — 245 с.
8. Тихонова С. В. Человек в структурах глобального социума / С. В. Тихонова. дис. кан. фил. наук. : 09.00.11. — 2003. — Саратов. — с. 142
9. Горбунов Е. А. Самоорганизация систем и прогнозирование военно-политических экономических и социальных аспектов / Е. А. Горбунов. — К. : Ника-Центр , 2005. — 320 с.
10. Фетискин В. В. Биосоциальные истоки поведения и творчества / В. В. Фетискин // Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 6. — С. 116-127.